

ИЗ ИСТОРИИ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ НАУКИ

УДК 39.069(091)

Этнографический отдел Русского музея и концепция национального музея

ВЛАДИМИР МОИСЕВИЧ ГРУСМАН

Российский этнографический музей (Санкт-Петербург)
Доктор педагогических наук, профессор, директор
e-mail: 5705768@mail.ru

ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ ДМИТРИЕВ

Российский этнографический музей (Санкт-Петербург)
Доктор исторических наук, научный сотрудник главной категории отдела этнографии
народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана
e-mail: dmitriev_home@mail.ru

В статье рассматривается начальный период истории Российского этнографического музея (1902—1934), представлявшего в то время часть комплекса Русского музея, его Этнографический отдел (ЭО РМ). Предметом исследования является соответствие функций ЭО РМ задачам национального музея и выработка собственных основ научной деятельности центрального этнографического музея России.

Ключевые слова: музей, музейное дело, этнографический музей, национальный музей, этнографическая наука в России в период 1890—1917 и 1917—1934 гг.

UDC 39.069(091)

The Ethnography Department of the Russian Museum (1902—1934) and the Concept of a National Museum

Professor VLADIMIR M. GRUSMAN, D.Sc. (Education)

Director, Russian Museum of Ethnography, St. Petersburg, Russia
e-mail: 5705768@mail.ru

VLADIMIR A. DMITRIYEV, D.Sc. (History)

Top Grade Researcher, Department of Ethnography of the Peoples of the Caucasus,
Central Asia and Kazakhstan, Russian Museum of Ethnography, St. Petersburg, Russia
e-mail: dmitriev_home@mail.ru

The article deals with the early period (1902—1934) in the history of the Russian Museum of Ethnography, which was part of the Russian Museum in those days as Department of Ethnography (RMDE). It shows clear affinity between the functions of the RMED and the objectives of a national museum; as the Ethnography Department developed, it evolved its own research platforms suitable for Russia's central museum of ethnography.

Key Words: museum, museum organisation and operation, ethnography museum, national museum, ethnographic studies in 1890—1917 and 1917—1934.

Российскому этнографическому музею (РЭМ) в 2012 г. исполняется 110 лет. На протяжении десятилетий музей служил разным государственным идеологиям: имперской, советской, постсоветской и в то же время всего одному геополитическому образованию – российскому суперэтносу.

Изначально РЭМ возник как музей двойного назначения: этнических культур России и российской суперэтнической общности. В 1902–1917 гг. он начал свою историю как Этнографический отдел Русского музея императора Александра III, в 1917–1934 гг. он был Этнографическим отделом Русского музея, позднее – как Государственный музей этнографии (1934–1948), Государственный музей этнографии народов СССР (1948–1992), Российский этнографический музей (с 1992 г.) – существовал как самостоятельное музейное учреждение.

Создание музейного комплекса в 1895 г., когда был подписан именной Высочайший указ «О создании Русского музея императора Александра III» (13(25) апреля 1895 г.), было заключительным актом, что, однако, может рассматриваться и как проявление внимания властей к музейному делу, и как их стремление воспользоваться блестящими результатами его развития. Вряд ли сегодня можно согласиться с данной в советские годы оценкой целей создания Русского музея как сугубо шовинистических¹. История становления его этнографической части, напротив, является примером актуализации в работе музея научных основ, соответствующих эпохе².

Итогом XIX столетия было возникновение сложной сети подчиненности музеев, указывающей на заметную заинтересованность властей в существовании таких учреждений. Эрмитаж и Русский музей входили в ведомства Министерства Двора; Музей прикладных знаний и Музей прикладного искусства – Министерства финансов; Почтово-телеграфный, Мануфактурный, Кустарный музеи, Музей Санкт-Петербургской полиции подчинялись Министерству внутренних дел; Музей сообщений – Министерству путей сообщений; Артиллерийский, Музей Главного интендантского управления – Военному министерству, Морской музей – Морскому министерству, Таможенный – Таможенному ведомству, Музей гигиены и сантехники – Министерству промышленности и торговли. Музей антропологии и этнографии подчинялся Академии наук, Церковно-археологический – Синоду. Связями с музеями был опутан весь государственный аппарат, а самые крупные художественные

музеи были тесно связаны с высшими эшелонами императорской власти.

Значимым результатом развития музейного дела в С.-Петербурге следует признать специализацию музейного дела в соответствии с дифференциацией науки, принявшей вид, близкий к современному пониманию научного знания. Примером является возникновение новых музеев на базе Кунсткамеры. В рамках данного музея также возникла идея синтеза музейных дисциплин³. В 1860 г. академиками К.М. Бэрром и А.А. Шифнером в духе процессов, развивавшихся в западноевропейском музейном деле, был предложен проект Центрального комплексного музея, где бы были объединены материалы по археологии, антропологии и этнографии. Осуществление проекта произошло внутри бывшей «петровской» Кунсткамеры.

Специфика академического Этнографического музея (с 5 декабря 1878 г. – Музей антропологии и этнографии) отдаляла его от российской проблематики, т. к. он концептуально развивался по двум направлениям: как музей, комплекующий материалы по культуре народов мира, независимо от их географического положения, и как музей, отражающий научные знания, принятые в мировой науке на природу человечества⁴. В 1878–1879 гг. предложенная решениями физико-математического отделения Академии наук и Государственного Совета формулировка «Музей по антропологии и этнографии преимущественно России» (МАЭ) мало повлияла на общий курс деятельности академического музея с его широким географическим охватом этнографического материала. Зарубежная проблематика продолжала быть значимой, хотя усилилось внимание к российской этнографии, а на грани XX в. особо активизировалось востоковедческое направление. МАЭ постепенно становился комплексом внутри себя. Поэтому дальнейшим шагом в назревающей специализации музеев с этнографическим материалом могла быть только попытка членения самого этнографического знания и создание альтернативного музея.

Чтобы понять, что представляла собой этнология на рубеже XIX и XX вв., нельзя забывать о том, что в XIX в. археология и этнография были гораздо ближе друг другу, чем теперь. В этом плане примечательно, что несомненным признаком XIX в. в области развития и дифференциации гуманитарного знания, в т. ч. связанного с этнографическим, было выделение археологии на научном, а не на частноавантюристическом основании т. н. «наживной» (ради наживы) археологии⁵. В университетских центрах России археология была предметом вни-

мания со стороны Обществ истории и древности (Московский университет – 1804, Казанский – 1805, Харьков – 1817, Одесса – 1839). В 1864 г. было организовано при Московском университете Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии и чуть позже – Музей антропологии с отделениями этнографии и археологии. И в Московском, и в Петербургском университетах археологические исследования проводились на кафедрах географии и этнографии физико-математических факультетов.

Интерес к археологии в столице Российской империи существовал постоянно, о чем можно судить по работе Археологического института (1877–1922), который был открыт в 1877 г. в виде опыта на четыре года на частные средства, но просуществовал гораздо дольше – до 1894 г.⁶; фонды Археологического института влились в собрание Эрмитажа буквально накануне образования Русского музея императора Александра III, никогда позднее археологический музей в Петербурге не восстанавливался. Поэтому можно предположить, что любое крупное музейное учреждение комплексного характера, подобное Русскому музею Александра III, естественно оказалось бы и участником процесса музеефикации археологического материала.

К концу XIX в. изменилось представление о значении посетителя музея. Если в начале XIX в. доминировало представление о сословном ограничении круга посетителей музеев, то уже в 1830-х гг. все более популярной становилась идея публичного внесословного музея. В качестве первых проектов публичного музея упоминают «Русский музей» П. Свиньина, галерею Ф.И. Прянишникова, проекты Эстетического музея З.А. Волконской, Картинной галереи А.С. Добровольского, Музея западной жизни Е.Д. Тюриня и обязательно – Румянцевского музея в Петербурге (1831). Реализованными проектами считаются Румянцевский музей в Москве (1862), Галерея русской живописи Третьякова (1892), Русский музей императора Александра III (открыт для публики в 1898)⁷.

Русский музей императора Александра III открывался уже как публичный. В 1900 г. его посетило 130 491 чел., в 1902 – 150 503 чел., в 1910 – 175 768 чел.⁸. Нельзя не отметить наличие среди его посетителей и такой ранее не представленной категории, как солдаты. Очевидно, если бы и Этнографический отдел Русского музея был бы открыт для публики в дореволюционные годы, он бы имел значительную посещаемость.

Еще одним итогом эволюции музеев в XIX в. можно считать достижение некоего предела совершенствования музейного здания, доведенной до воплощения идеи храма-музея, этапами развития которой выступили: сначала – размещение раритетов в особых зданиях столицы (Кунсткамеры в комплексе строений Академии наук, Эрмитажа во дворце правителя), затем – строительство специального музейного комплекса (Новый Эрмитаж, Румянцевский музей). На заключительном этапе появился т. н. музей-храм (Музей центрального училища технического рисования барона А.Л. Штиглица; Художественный отдел Русского музея после переделок В.П. Свиньина), в т. ч. особое, уподобленное дворцу здание, в котором интерьеры экспозиционных залов были упрощены и снабжены специальной музейной мебелью, но зато модель храма была помещена в центр здания как особый зал (Мраморный зал в Этнографическом отделе Русского музея). И не важно, планировалось ли размещение в Мраморном зале Памятного отдела Русского музея императора Александра III или его могли поместить в другом месте⁹. Строительство такого помещения имело место на территории Этнографического отдела, что позволяет именно проект В.Ф. Свиньина считать итогом развития музейного дела императорской России, по крайней мере, в значении достижения определенного совершенства архитектуры музейного здания. При создании Этнографического отдела Русского музея императора Александра III впервые строилось специальное здание для этнографического музея, конструировалась и изготовлялась для него мебель, делались манекены, формулировались принципы показа вещевых экспонатов, их соотношения с вспомогательными материалами¹⁰.

Особое значение имело то, что большая часть XIX и начало XX в. были посвящены разработке концепции национального музея России, проекты которого готовили столичные интеллектуалы и представители царского двора.

Обозначим ряд проектов, подготовленных петербургскими интеллектуалами. Начальные проекты исходили от членов «румянцевского кружка»¹¹ и особо – от Ф.П. Аделунга и Б.Г. Вихмана. Согласно предложениям двух последних авторов национальный музей должен был быть собранием различных групп памятников. По мысли Аделунга, в нем предполагалось наличие четырех разделов:

1. Литература и искусство (печатные издания о России, рукописи, карты, произведения живописи и скульптуры);

2. Памятники (материальные объекты, имеющие историческую и художественную ценность);

3. Народознание (предметы, относящиеся к познанию многочисленных народов и поколений, населяющих пространную Российскую державу: предметы материальной культуры, среди которых особо выделяются одежда и оружие, здесь предполагалось также экспонировать «языковые особенности народов России»);

4. Произведения природы и искусства (естественно-исторический отдел) и изделия (русских механиков)¹².

По мысли петербургского коллекционера и одного из пионеров музейного дела П. Свиньина, в составе возможного «Отечественного Музеума» должна быть библиотека, собрание древностей, художественное собрание из работ, преимущественно русских мастеров, т. н. «Русский Пантеон», содержащий портреты выдающихся российских деятелей, естественно-исторический отдел, этнографический отдел, выставка мануфактурных изделий, особый отдел, посвященный Петру I. Велась речь и о создании отдела, образованного материалами по культуре азиатских народов¹³.

Проект известного русского художника Г.Г. Гагарина предусматривал учреждение в музее двух разделов:

1. Историко-этнографического [«Полный курс истории, национального искусства и промышленности в России со времен христианства до нынешнего времени, включая Этнографический зал... Здесь посетителям можно будет познакомиться со всеми народами, начиная с Лапландцев до живущих у границ Персии, начиная с Европы до последних пределов Азии...»].

2. Историко-художественного [«История России будет занимать середину. Галереи, ... будут определены к тому, чтобы показывать источники, которые служили основанием национальному стилю...»], источниками в данном случае названы виды античного, византийского, восточного, западноевропейского и т.п. искусства¹⁴.

Отчасти реализованным проектом национального музея стал Румянцевский публичный музей в С.-Петербурге¹⁵. Строительство музеев в столице проходило на фоне их становления в целом в стране.

Музейное дело России развивалось аналогично европейскому. В первой половине – середине XIX в. в системе ценностей европейского общества, позднее – и слоев европеизированных интеллектуалов в других частях света, сложилось представление о необходимости в

качестве атрибута суверенного государства публичного, хранящего и демонстрирующего историческое и культурное наследие музея. В состав названия открывавшихся музеев (в 1802 г. – в Будапеште; в 1818 г. – в Праге; в 1819 г. – в Копенгагене; в 1824 г. – в Лондоне, в 1852 г. – в Нюрнберге) непременно входило слово «национальный». В 1879 г. было объявлено об учреждении Национального музея США, в 1871 г. – Токийского национального музея¹⁶.

Во многом проекты, предлагаемые интеллектуалами, выглядели прожектерскими. Напротив, те предложения, которые позднее исходили от правящей элиты, имели более программный характер. Остановимся на двух документах, отмеченных именем представителей Романовых. Первый документ относится к разработке концепции деятельности Исторического музея в Москве¹⁷, второй, по сути, содержал программу генеральной линии развития музейного дела в стране в начале XX в.¹⁸.

Так, Государственный Исторический музей (ГИМ) был основан в 1872 г. В 1873 г. он именовался Русским национальным музеем Его Императорского Величества государя наследника-цесаревича, в 1881–1917 гг. – Императорским Российским историческим музеем. Работа образованной в 1874 г. ученой комиссии по его организации определялась идеями, сформулированными в записке, подготовленной К.Н. Бестужевым-Рюминым, наставником Александра III в его исторических изысканиях. В записке посещение музеев и знакомство с музейными коллекциями недвусмысленно трактуется как средство самого действенного воспитания масс по разделам историческому (показать историю России и ее место в мире), политехническому (дать профессиональное воспитание), художественному (воспитание вкусов), этнографическому (приобщить к традициям в духе общего, в т. ч. политического консерватизма) и др.

Не трудно понять, что записка К.Н. Бестужева-Рюмина ориентировала на подготовку комплекса музеев; Исторический музей должен был быть элементом этой системы. Следует вспомнить, что в Москве были основаны Политехнический музей как следствие Политехнической выставки и Румянцевский-Дашковский (в 1861 г. переведенный в Москву петербургский Румянцевский музей и Московский публичный музей, созданный в 1860 г. на основе коллекций научно-учебных кабинетов Московского университета были объединены) музей с его этнографической частью, также бывшей следствием, но уже Этнографической выставки

1867 г., которая состоялась в двух парадигмах тогдашней политической антропологии: политичности российского населения, сосуществующего под эгидой российской власти, и политико-культурного единства славян тоже под покровительством императора¹⁹. Нелишне напомнить, что комплекс Румянцевского музея в Москве уже в первые годы подразделялся на восемь отделов: минералогический, нумизматический, археологический, изящных искусств и классических древностей и т. д., а также этнографический, или т. н. Дашковский музей²⁰. Можно сказать, Румянцевский музей стал действующей моделью большого межмузейного комплекса²¹.

Каким он мог бы быть, указывается во втором документе, датируемом временем, когда уже существовал Русский музей императора Александра III, и в котором шла речь о дальнейшем усложнении концепции национального музея. Данный проект предполагал постепенное создание в двух столицах национальных комплексных музеев на базе Русского и Румянцевского музеев с добавлением новых отделов: исторического, археологического, нумизматического, архива, библиотеки и т. д.²².

Несомненно, идея национального музея была близка русской национальной идее, выработка которой в разных формах шла весь XIX век, в т. ч. и в форме выделения русской культуры как предмета внимания общества.

Знаковыми пунктами этого процесса являлись провозглашение А.С. Уваровым в 1823 г. официального понимания национальной идеи как «Православие–самодержавие–народность»; основание в 1845 г. Русского географического общества (отмеченного работами фольклористов В.И. Даля и А.Н. Афанасьева, сформировавшими базовые источники по устному народному творчеству русских, и деятельностью Н.И. Надеждина как инициатора изучения русской этнографии); создание Исторического музея в Москве; принятие решения об образовании Русского музея. Потребность в последнем была сформулирована в записке обер-гофмаршала князя С.Н. Трубецкого: «Современное процветание русского искусства и высокое положение, занимаемое Россией в образованном мире, требуют или коренного преобразования отечественного отдела в Эрмитаже, или же учреждения особого музея русской живописи и скульптуры, и что осуществление того или другого из этих предположений составило бы одно из достопамятных событий настоящего Царствования»²³.

Усилия по поиску национальных черт русского народа не были чем-то уникальным.

Достаточно сказать, что программную работу Н.И. Надеждина²⁴, давшую обоснование деятельности Этнографического отделения Русского географического общества, и манифест европейской этнопсихологии Лацаруса и Штейнталя²⁵ разделяли всего 15 лет. Спустя столетия также одновременно состоялись открытие Этнографического отдела Русского музея и выход в свет труда немецкого психолога В. Вундта «Психология народов»²⁶.

Одновременно с оформлением русской идеи в обществе проявлялся интерес к изучению восточных народов, что было определено развитием контактов России в направлении Ближнего, Среднего и Дальнего Востока.

Еще в 1810 г. Уваров опубликовал на французском языке проект создания Азиатской академии в Петербурге²⁷. Его заслугой во многом является выделение из музея Академии наук и создание в Петербурге в 1818 г. Азиатского музея – до сих пор главного центра изучения Востока в России. Это было одним из первых решений, которое С.С. Уваров реализовал, вступив в должность президента Академии наук.

В проектах начала XIX в. востоковедение было продекларировано, а затем оформлено в виде университетских центров. В 1815–1827 гг. был сформирован Лазаревский музей-университет в Москве, открылись кафедры восточных языков в Московском (1804) и Казанском (1807), факультет восточных языков в Петербургском (1854) университетах. В марте 1818 г. состоялось открытие двух кафедр восточных языков на историко-филологическом факультете Петербургского университета. В Петербурге должно было сосредоточиться изучение и преподавание всех восточных языков, о чем свидетельствует отказ в организации в 1829 г. кафедры армянского языка в Московском университете²⁸. С 1841/1842 гг. исчисляется существование в Университете «знаменитой кафедры кавказской филологии»²⁹. 22 октября 1854 г. по указу императора Николая I в рамках Санкт-Петербургского университета был образован факультет восточных языков. В 1863 г. после принятия нового устава была добавлена кафедра «истории и географии Востока».

Совместно с другими идеями российского просвещения зрели представления об образовательной роли предметов искусства, сосредоточенных в музеях. Разные лица, имевшие отношения к разработке идеологии русского национального музея, высказывались о художественных произведениях как предметах большого дидактического содержания и о художниках как творцах общественного мнения. В проекте Григоровича представлены сле-

дующие положения: «Одушевить художников любовью к славе», чтобы «художества, сделавшись... необходимою потребностью людей образованных, созрели при самом почти рождении своем... Известным художникам исполнить образцовые произведения, которые могли быть выставлены в галерее для обозрения и образовывания публики и учеников...»³⁰.

Известный коллекционер и знаменитый художник князь Г.Г. Гагарин, дополняя размышления о необходимости создания национального музея, писал о миссии художника: «Делаясь истолкователем национальной мысли, художник выказывает свое сочувствие нации, дает видимую форму своему вкусу, своему характеру и своей мысли. Если он остается великим, простым и верным, он содействует облагораживанию и очищению стремлений своего времени и отечества»³¹.

В дополнение следует вспомнить, что среди наших современников существует предположение, что общественное мнение XIX века видело в деятельности художников средство общего улучшения общественных нравов, готово было разделить тезис: души облагораживает сочетание ценностей искусства и истории³², что для следующего столетия было уже не типично. Императорская фамилия разделяла представление о художнике как творце изысканных нравов³³.

Можно подвести некоторые итоги. Во-первых, образование Русского музея императора Александра III было, несомненно, административным решением верхов, но и следствием идеологических установок, сформировавшихся в настроениях образованных верхов петербургского общества. С одной стороны, в среде приближенных к царской фамилии и самих ее членов состоялось понимание музея как воспитательно-консервативного инструмента государственной власти. С другой стороны, у той части интеллигенции (подходящей под определение дворянско-буржуазной), которая была увлечена национальной, в первую очередь, имперской идеей, возникло устойчивое понимание как ценности художественной составляющей национальной идеи, так и музея как способа ее демонстрации. На протяжении XIX века, фактически уже к концу последней его четверти, созрела концепция комплексного национального музея, вполне разделяемая властителями империи. Эта концепция была реализована в неполном варианте и в Москве, и в Петербурге. Было принято решение об объединении двух составляющих: художественной (в Петербурге сугубо русской, в Москве – больше с уклоном в сторону европейской спе-

цифики) и этнографической. Упоминание в именном указе о включении в состав Русского музея Памятного отдела императора Александра III, который впоследствии не обрел ни структуры, ни постоянного размещения³⁴, еще более подчеркивает двойственность предложенной формы и ее промежуточность на пути к созданию национального музея. Не состоялось даже полноценной дискуссии о целях его существования аналогично той, которая имела место относительно Этнографического отдела Русского музея. При этом показательно, что имелось предложение развивать в будущем Памятный отдел Русского музея именно как предполагаемый исторический отдел полноценного национального музея. Не менее показательно, что данное предложение исходило из Этнографического отдела Русского музея, от его хранителя Е.А. Ляцкого, представившего 18 февраля 1906 г. проект «Сущность памятного отдела как исторического отдела музея»³⁵.

Инерция подготовки национального музея, между тем, оказалась достаточно сильной, чтобы идея исторического раздела все-таки реализовалась, но позднее и уже без прежних перспектив, как это видно из деятельности Историко-бытового отдела Русского музея. Историко-бытовой отдел (ИБО РМ), хотя вопрос о его организации возник еще в 1913 г., был создан в 1917–1918 гг. С 1921 г., когда была подготовлена первая программа его деятельности, отдел в своей работе постоянно подвергался жесткой критике на идеологическом основании и, в конечном счете, был закрыт в 1934 году³⁶. Поставленная первоначально задача отразить историю быта, «еще столь близкого, и так уже далеко ушедшего»³⁷, выполнялась на первом этапе работы ИБО РМ, когда она формулировалась, исходя из внутренних потенций структуры. Решение задачи привело к отражению двух форм быта, дворянского и крестьянского, с попыткой представить еще и быт рабочих. Нетрудно заметить в этом, конечно, дублирование бинарности тематик художественного и этнографических отделов в системе высокая/элитарная культура – народная/традиционная культура.

Если появление Художественного отдела Русского музея было подготовлено развитием идей XIX в., касающихся искусства вообще и русского в частности, то включение в состав усеченной модели национального музея в 1895 г. Этнографического отдела Русского музея не было настолько понятным. Самым упрощенным подходом к пониманию этого действия является объявление всего проекта

Русского музея «шовинистическим и верхушечным»³⁸, что имеет под собой основание, но не может быть трактовано только таким образом. Скорее, речь может идти о проявлении толерантности т. н. «имперского типа»³⁹, когда властями оказывается патриотический патронаж всем представителям этнических групп, кто идет с ними на административное сотрудничество.

Отметим, что потребности в этнографическом отражении национального состава страны не только были осознаны, но и получили организационное выражение. Народоведение переживало явный расцвет. В стране ко времени основания Русского музея существовали этнографические музеи в двух столицах (Музей антропологии и этнографии в Петербурге, Дашковский музей в Москве) и в провинции. Работало Русское географическое общество, имевшее ряд отделений. В 1897–1901 гг. активно работало Этнографическое бюро князя В.Н. Тенишева⁴⁰. После 1875 г. отмечается резкий скачок в количестве публикаций по этнографии, в частности, по изучению крестьянской общины⁴¹. Развивались фольклористика и изучение народной мифологии, выделилось как направление изучение народного изобразительного искусства⁴². В 1890-х гг. в России стали издаваться специальные этнографические журналы и множество популярных брошюр и альбомов⁴³. Наконец, была подготовлена итоговая работа, давшая характеристику развития отечественной этнографии к концу XIX в. – «История русской этнографии» А.Н. Пыпина⁴⁴.

Этнография стала учебным предметом университетского образования. Кафедра географии, по Уставу 1884 г. находившаяся в составе историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета, в 1887 г. была переведена на физико-математический факультет и получила название кафедры географии и этнографии⁴⁵. В Московском университете кафедра географии и этнографии была создана еще в 1884 г. С 1864 г. при Московском университете действовало Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии⁴⁶. В 1888 г. на естественном факультете Санкт-Петербургского университета возникло Русское антропологическое общество, существовавшее в 1888–1916 гг.

В стране отмечался большой интерес к этнографическим знаниям. Его значительной составляющей было внимание к формам социального устройства общества, возникшее в предреволюционный период.

На этом фоне появление еще одного этнологического института в виде ЭО РМ было закономерным, хотя и могло восприниматься как избыточное на фоне уже существующих общественных институтов, тем более что оставленная ему «ниша» дополнения художественного музея под почти прямым управлением царской фамилии была заполнена внезапно для течения научной мысли. Отметим, что директор академического Музея антропологии и этнографии В.В. Радлов буквально накануне учреждения в Петербурге второго этнографического музея отстаивал позицию развития руководимого им учреждения как единственного в столице⁴⁷. Позднее В.В. Радлов будет последовательно указывать на внезапность появления ЭО РМ императора Александра III. Так в его записке, датированной временем второго совещания по обсуждению назначения ЭО РМ императора Александра III, т. е. уже 1901 г., предлагается, как явный сигнал об отсутствии необходимой для дальнейшей работы базы, образовать комиссию для постановки главных проблем. «Для скорейшего осуществления необходимого преобразования Этнографического музея следует раньше всего в точности определить действительные нужды музея, что возможно только посредством особой Комиссии. На обязанности этой комиссии должны лежать: 1) определение необходимых размеров помещения музея; 2) решение вопроса: возможно ли отыскать подходящий готовый дом или следует выстроить новое здание музея и определение необходимых сумм на тот или другой случай; 3) составление устава и штата музея»⁴⁸.

Так же в разрез с общей установкой Русского музея императора Александра III шло имевшее академический характер мнение В.В. Радлова, что этнографический музей «должен, напротив того, обратить свое главное внимание на те народности Империи, которые, не дошедши до современного уровня культуры, живут еще своею самобытной, нетронутой или не вполне тронутой культурой, жизнью...»⁴⁹. В.В. Радлов явно не предполагал наличия других целей этнографического музея, кроме отражения единичных народных культур, и не видел необходимости проявления внимания к общностям суперэтнического порядка.

Не случайно создание первого варианта программы деятельности будущего состава ЭО по предложению великого князя Георгия Михайловича было поручено не этнографу, а историку-слависту, председателю этнографического отделения ИРГО академику В.И. Ламанскому (1833–1914). Высказанные им мысли скорее можно расценить как представления полити-

ческого антрополога, находящегося на государственной службе, в них можно увидеть предпосылки евразийского мышления («народ наш является главным создателем и оберегателем Русского государства, заложенного на востоке Европы между христианским романогерманским западом и между мусульманским, буддийским, даосийским, конфуцианским и фетишистским азиатским Востоком»), базовые положения имперского подхода в духе школы Н. Погодина («Русский отдел музея императора Александра III должен представлять Россию не только в ее племенном разнообразии, но и в ее историческом единстве; эта нить – русская национальная и государственная идея...»; «... за другими странами и народностями в России мы не признаем никаких исторических прав...», «... но мы признаем права всех этнографических индивидуальностей в России...»)⁵⁰. Критике данные положения, очевидно, не подвергались, однако, считается, что в целом предложения В.И. Ламанского были приняты только за основу для дальнейшей дискуссии, когда он предложил неудачную и непрактичную группировку материала в музее по географическому принципу.

Сама же дискуссия о роли и функциях ЭО РМ развернулась в начале 1901 г. Предшествующее ей время было заполнено высказываниями титулованных ученых-славистов (академик А.И. Соболевский и вице-президент Академии наук Л.Н. Майков), т. е. тех, кто был наиболее близок к разработке национально-государственной идеи, а также известен работами по изучению организации показа этнографического материала в музеях Европы⁵¹. Теоретические принципы отразились в протоколах заседаний приглашенных ученых и администраторов, а также в их письмах. Решающая роль в определении основ деятельности нового музея принадлежит Д.И. Клеменцу, ставшему по итогам подготовительного этапа, закончившегося в 1902 г., первым заведующим Этнографическим отделом Русского музея императора Александра III. В спорах Д.И. Клеменц пользовался поддержкой августейшего управляющего Русским музеем имени Александра III великого князя Георгия Михайловича. Совместно они добились и фактической поддержки со стороны видных российских ученых, приглашенных на совещания в 1901 г. Отметим, что единственным выступавшим, говорившим о просветительских функциях этнографического отдела, был великий князь Георгий Михайлович⁵², для остальных участников обсуждения такой проблемы еще не существовало.

Остановиться на пунктах программы Д.И. Клеменца целесообразно, поскольку считается, что она является краеугольным камнем деятельности отдела, по крайней мере, в первое двадцатилетие его существования. В нее входили следующие позиции⁵³:

1. понимание двойности задач отдела, исходившее из фактической двойственной структуры РМ («у музея есть и так уже две громадные задачи, из которых к выполнению одной уже преступлено – именно собирание и изучение памятников национального или, вернее сказать, всероссийского художественного творчества; другая только намечается – русская этнография или, вернее сказать, этнография Российской империи»);

2. обращение к структуре предполагаемого полного национального музея, в котором должны быть разделены функционально этнографический и бытовой отделы («Ничего нельзя иметь против устройства музея прикладных знаний, но тогда нужно откинуть всякую мысль о национальном, русском характере музея... Задача эта [музея!] – представить наглядно и научно жизнь народных масс обитателей России и стран, прилегающих к ней, в ее домашней и общественной обстановке, вкусах, привычках и нравственных и умственных проявлениях настолько, насколько выражаются они во всем, доступном нашему наблюдению»);

3. системность отражения народонаселения страны по принципам:

3.1. сравнительного изучения этносов со сходной культурой, находящихся вне пределов Российского государства («Мы не можем исключить из нашего музея ни поляков Познани и Львова с Краковом, ни карпатских зузинов, ни других восточных и западных славян. Включение их само собой понятно: невозможно понимание жизни своего собственного народа без изучения родственных народов»);

3.2. полиэтничного и сопоставительного подходов к отражению культуры народов России («Сама специально русская и великорусская этнография пострадает, если исключить инородческий элемент из музея»);

3.3. единства подхода к изучению культуры народов, находящихся на разных стадиях общественного развития («говорят, нужно этнографию культурных племен отделить от некультурных..., нет двух этнографий на свете») [надо учитывать, что от руководства РМ в лице товарища управляющего графа Толстого исходили посылы требований большей иерархии в работе этнографов музея: «... в будущем ЭО должны были быть «отдел главный и отделы придаточные... главным должен быть отдел этнографии

Российской империи; в придаточных отделах следует собрать материал, который давал бы возможность сравнительно изучать этнографию Российской империи»⁵⁴];

4. требование необходимости введения сравнительного материала («для изучения кочевых народов русских нужны небольшие коллекции из жизни других кочевников, для изучения русской или славянской орнаментики – орнаментика западная и тому подобное»);

5. признание неопределенности этнических и цивилизационных границ («этнографическая задача России на Востоке, как и на Западе, не может быть определена государственной границей»);

6. пожелание этнологического подхода в систематике этносов с учетом местных эколого-хозяйственных условий, но ни в коем случае не группировки материала только по типам хозяйства;

7. наличие поликультурологического подхода к отбору музейного материала, который был проявлен в предложении добавить к категориям этнографического материала категории предметов религиозных;

8. использование ретроспективных методик («музей... должен указать и ближайшие предшествующие ступени развития» [о том, что данная позиция разделялась многими представителями ученого мира, можно судить по реплике П.П. Семенова-Тян-Шанского: «... я дошел бы до каменного века»⁵⁵].

Данные предложения, изложенные Д.И. Клеменцом в части этнографической, не вызвали особо бурной реакции при их обсуждении. Самым животрепещущим был вопрос о географических границах комплектования материала, который имел под собой проблему культурного, что часто понималось как синоним политического влияния России⁵⁶. Резолюция, принятая по результатам первого совещания, показала, что его участники более склонны к дифференцированному подходу к характеристикам разных этносов, в чем опосредованно проявились политические реалии государственного устройства Российской империи. В резолюции было указано:

«Будущий Этнографический отдел музея должен заключать в себе:

1) Главный отдел, которому должно уделять и теперь и всегда возможно больше внимания, – отдел этнографии: а) России в географических границах Империи; б) сопредельных с Россией стран, если в них живут племена, которые есть и в России⁵⁷; в) славянских племен, хотя бы они и не соприкасались с русской границей.

2) Придаточные отделы, в которых должен быть сосредоточен материал для сравнительного изучения этнографии Российской империи.

3) Библиотеку»⁵⁸.

Все названные материалы явно указывают на доминанту суперэтнического подхода.

Успех своего видения деятельности музея, как показала дальнейшая практика, т. е. торжества этнологического подхода над политико-антропологическим, Д.И. Клеменц, очевидно, видел в развитии кадрового состава музея, не считая необходимым одновременно обращаться к работникам академического института, предлагая искать новые кадры в числе приверженцев школы Анучина в Москве («нужно будет рабочим давать возможность следить за литературой и учиться. Брать, конечно, надобно людей, прошедших хорошую школу; таких легче всего найти около Анучина в Москве»⁵⁹).

Уместно обозначить признаки подхода, которые заставляли искать научные кадры в Москве. Это были: триада этнография, археология, антропология, представленная в т. ч. в музее; сведение воедино данных о различных народах, составление капитальных монографий об отдельных народностях со всесторонним использованием письменных и вещественных источников и собственных полевых материалов исследователя – такая парадигма науки, согласно которой этнография знакомит исследователя с бытом народа и его нуждами⁶⁰.

В чем же причина обращения петербургского этнографа к московским специалистам: в тактическом решении разграничить функции ЭО РМ и МАЭ на уровне различия между школами, стремлении развивать системность этнографической науки? Данные мотивы присутствовали, но, может быть, еще было стремление развивать представление о том, что этнография России больше, чем сумма этнографий составляющих ее народов, а ее хронологические рамки шире, чем время сбора вещевых коллекций?

Вопрос о разграничении функций ЭО РМ императора Александра III и Музея антропологии и этнографии Академии наук принял особую важность. Если Д.И. Клеменц радикально высказывался за разделение фактологической базы музея и категорий этнографического изучения («если Академия пожелает, она может оставить за собой антропологию, доисторическую археологию и экзотические страны»⁶¹), то остальные участники обсуждения, в частности, В.В. Радлов и И.И. Толстой, склонялись к разделению с неясной логической основой: музей Академии должен быть посвя-

щен общей этнографии, а ЭО – этнографии Российской империи⁶².

В дальнейшем решение вопроса было доверено комиссии в составе академиков В.В. Радлова, В.В. Латышева и С.Ф. Ольденбурга. Комиссия составила доклад, утвержденный конференцией Академии наук 10 сентября 1903 г., в котором была сохранена указанная оппозиция; она была даже усилена по линии противопоставления научного и территориального музеев, хотя и были указаны ее теоретические и практические недостатки (включая те, которые а priori присущи территориальному музею)⁶³. В дальнейшем проблема существования двух этнографических музеев в одном городе периодически являлась причиной новых, а по сути, старых споров об их различиях. Собственно, эти споры не являлись только ведомственной дискуссией; постановка вопроса «научный» или «территориальный» вернулась к нам в 1990-х гг. в более общей форме: этнология или этнография, оставаясь частью основного вопроса науки – фиксация факта или поиск закономерностей, народ или этнос, социальное или культурное?

Немудрено, что дискуссия 1901–1903 гг., когда снова поднимались те же вопросы, еще дважды повторялась: в 1908 и в 1918–1921 гг.:

- определение цели деятельности ЭО РМ;
- необходимость создания историко-бытового отдела большого музейного комплекса;
- важность сохранения единства этнографических и археологических исследований;
- определение территории, контролируемой сотрудником-хранителем (или стоящей за ним группой, в перспективе – отделом).

Данные дискуссионные проблемы интересны не только с точки зрения на прошедшую историю Российского этнографического музея, но и как относящиеся к ключевым проблемам современной музеологии. К определению целей музея его коллектив возвращается постоянно, их выяснение теперь является результатом изучения набора эмпирических фактов в виде событий, произошедших в сферах музейной науки, комплектования фондов, просветительской деятельности, научно-методической работы; неоднократно ставился вопрос об оформлении внутренней исследовательской дисциплины – истории ГМЭ–РЭМ. Цели же деятельности ЭО РМ в 1921 г. повторно формулировались в контексте единства всего РМ: «Этнографический отдел есть музей народного быта и искусства народностей и племен России»⁶⁴. Пожалуй, впоследствии уже не считалось необходимым подчеркивать диалектику

этих двух предметных областей этнографического музееведения/музейной этнологии.

Размышления относительно функций историко-бытового отдела или хотя бы только признание необходимости его существования были частью концепции национального музея и были важны для определения предметного поля ЭО РМ. В определенной мере наличие историко-бытового отдела маркировало максимальную степень реализации идеи национального музея, позволяя при этом появиться еще одной ветви культурно-антропологического знания о бытовой культуре наряду с этнографическим (этнологическим).

Произошедшая в дальнейшем ликвидация ИБО означала появление лакуны (незаполненной до сих пор) в музеологическом знании там, где область этнографических предметов смыкается с областью деэтнизированной бытовой культуры, включая народную. В эту же лакуну ушла область музееведческого знания о кустарной промышленности как комплексе достижений народных умельцев, которая предусматривалась в мечтаниях Ф.П. Аделунга, Б.Г. Вихмана и К.Н. Бестужева-Рюмина. Как известно, реальным детищем этих мечтаний ныне является только Политехнический музей в Москве, для которого этнические формы промышленной продукции так же чужды, как и для этнографического музея деэтнизированные. Лакуна, содержащая знания и источники в области неэтнического быта и кустарной производственной деятельности, заслуживает внимания еще и потому, что она лежит также и между предметной областью центрального этнографического музея, и той предметной областью, которая присуща краеведческим музеям.

Комплекс из археологических и этнографических изысканий также являлся приметой периода деятельности объединенного РМ дореволюционного и раннесоветского периодов. В планах работы РМ начала 1920-х гг. зафиксирована высокая степень координации работы музея и Академии истории материальной культуры, большая, чем достигается просто сотрудничающими организациями⁶⁵. Для музейного института РМ комплектование археологического материала считалось необходимым до начала 1930-х гг., когда встал вопрос о расчленении самого музея-комплекса. В преддверии этого акта от государственных органов было получено указание о передаче археологического материала из РМ в Эрмитаж, что получило отрицательную реакцию со стороны музея. В записке, подписанной директором РМ и заведующим ЭО РМ, высказывались опасения негативных последствий разрыва археологиче-

ского и этнографического знаний, в том, что будут лишены археологические исследования возможностей сравнительных моделей по данным этнографии, а этнографические – опоры на знания о периодах истории до времени действия этнографических методов. В рамках музеев этнографического подхода еще со времен дискуссии 1901–1903 гг. благодаря позиции, высказанной Д.И. Клеменцем, имело место понимание существования двух категорий археологического материала: доисторического, не имевшего отношения к культуре существующих этносов, и палеоэтнографического, являвшегося ценным материалом для изучения этногенеза и этнической истории ныне наблюдаемых этносов. По установкам РМ 1910–1930-х гг. первая категория представлялась необязательной, но возможной для включения музеем в свою область познания, палеоэтнографическое направление считалось полностью своим. Этногенетические исследования считались частью палеоэтнографического подхода, хотя тогда они не были так подчинены узко этногенетической проблематике. Скорее они были подчинены поиску архаики в народной культуре, которая считалась быстро исчезающей в быту и уже недостаточно охватываемой этнографическими источниками. Нет особой необходимости указывать на то, что накопление в музее археологического материала, особенно, по категории доистории, соответствовало бы развитию концепции национального музея.

Как известно, археологические материалы были позднее изъяты из фондов ГМЭ–РЭМ, что было скорее результатом административного решения, чем результатом научного определения критерия их отличия от этнографических. В общеметодическом смысле выделение археологического материала из сферы этнографической музеологии, естественно, было частью диверсификации эпистемологии этнологического знания, не затрагивавшего доисторию, и курса властей на дезинтегрированное историческое знание. Результатом можно полагать расцвет доисторической археологии в СССР, ставшей наукой с собственной источниковедческой и интерпретационной отраслями, пользующейся общественной популярностью. Одновременно произошло смещение этногенетических исследований в сферу этнографической конкретики, свойственной академической и университетской наукам или эксплуатируемой национальными историческими школами и используемой для националистических упрощенческих интерпретаций. Оно вылилось в отсутствие кросскультурных исследований в области этнической истории, в абсолютную

неспособность центрального этнографического музея к самостоятельным действиям на поле этногенетических исследований, привело к лакуне между его предметной областью и предметной областью краеведческих музеев, сочетающих этнографические и археологические коллекции.

Дискуссия о территориях ответственности хранителей интересна с позиции попыток совмещения приемов организации практической деятельности, требовавших географической группировки добываемого материала, и научных методов, основанных на теоретических принципах классификации материала по этнокультурным группам. По ходу дискуссии 1918 г. возникали произвольные с позиции академического подхода объединения этносов на «территориях ответственности» сотрудников ЭО. К.К. Романову «передали» коми-зырян и ненцев из ведения хранителя материала Сибири, А.А. Миллер был готов изучать Кавказ, культуру мусульманских народов, тюркских народов, зарубежных народов Востока, евреев Востока и черты оседлости, хотя он сам же говорил, что Кавказ и Средняя Азия столь разные земли, что изучением культуры их народов должны заниматься разные специалисты⁶⁶.

В 1890–1910 гг. закладывался базис формирующегося этнографического музея российского суперэтноса и не наблюдалось какого-то особого состояния музейной науки по сравнению с общими чертами российской этнографической мысли. Основы науки были связаны общим состоянием общественной мысли, заключавшимся в повышенном внимании к народной (крестьянской) теме, что проявлялось в произведениях самых известных российских писателей и литераторов, художников. Мода на народность охватила интеллектуальные слои верхов и интеллигенцию: кружки Саввы Мамонтова и княгини М.К. Тенишевой, деятельность коллекционеров графа А. Бобринского, Ф. Плюшкина, Н. Шабельской и др.⁶⁷.

С.А. Токаревым отмечены черты русской этнографии данного периода, хронологически близкие времени начальной деятельности ЭО, в т. ч. те, которые указывали на активизировавшуюся интеграцию деятельности исследователей: краеведов и работников столичных учреждений (повсеместно), политических ссыльных и местной администрации (в Сибири), работу в регионах местных уроженцев, как русских из числа коренных народов⁶⁸. В свете таких оценок проект Русского музея не выглядит таким верхушечным, особо если касаться деятельности Этнографического отдела.

Представляет большой интерес, что С.А. Токарев особо выделил с началом XX в. активизацию («подобные исследования стали появляться») интереса к материальной культуре (одежда, жилище, ремесленные и кустарные промыслы, сельскохозяйственная техника), новые работы по изучению семейного быта и брачных обычаев, интерес к изучению народных верований и знаний, появление на основе полевых исследований новых публикаций народного эпоса, сказок и т. п.⁶⁹. Следуя отмеченному, имеет смысл подчеркнуть, что имевшиеся в этнографической науке и отчасти в обществе установки и интересы естественным образом были близки к тем, что определяют деятельность музейного организма: в данном случае стремление к выявлению и накоплению эмпирического этнографического материала и, что представляется особо важно, сложение интереса к объективированным формам этнической культуры при новом всплеске интереса к символическим формам в виде фольклорно-поэтических и художественно оформленных композиций. Имеющийся консонанс науки и этнографического музейного восприятия был благоприятен для ЭО РМ.

Если суперэтнический подход в том виде, в каком он проявлялся в дискуссиях о целях существования этнографического музея, затрагивал вопросы идеологии, то его экспозиционная работа в 1910 – первой половине 1920 г. имела позитивистский характер, что отвечало общему состоянию мировой этнографической науки.

Первая выставка на основе собранных коллекций была открыта в 1909 г., она имела цель показать результаты собирательской работы только специалистам, которые отнеслись к показанному «вполне сочувственно»⁷⁰. С 1910 г. были снижены темпы собирательской работы, музей занялся обустройством собственно музейной части. Открыть экспозиции предполагалось первоначально в 1914, а затем в 1916 г. Имеющиеся фотоматериалы позволяют судить о том, что преобладало стремление показать массу предметов с их типологической, но не завершённой группировкой, сочетая показ типологически однородных наборов предметов с демонстрацией костюмов. На современном языке такие комплексы можно было бы назвать «фондовой выставкой». Не пытаясь как-то далее классифицировать приемы экспонирования дореволюционного ЭО РМ, следует обратить внимание на их вещеведческий характер, имманентность экспозиции собранию музея, практически отсутствие каких-то следов воздействия внешних моделей группировки этно-

графического материала. Тем более не заметно влияния генеральных социологических теорий, в частности, попыток как-то отразить господствующую тогда в российской науке эволюционистскую концепцию.

Начало 1920-х гг. было отмечено спорами тех, кто считал музей местом воспитания публики, и теми, кто полагал их исключительно местом для научной работы специалистов⁷¹. Вряд ли возможно предположить, что такая дискуссия могла бы состояться когда-либо позже, когда музей были уже прочно встроены в систему идеологической работы государства.

Экспозиции 1921–1923 гг. строились в целях показа «общей картины быта всей России в ярких по возможности образах», размещались по географическому принципу, в их составе резко было увеличено количество объяснительного материала, схем, карт.

3 июня 1923 г. ЭО РМ был открыт для посетителей⁷². Путеводители 1926 г. указывают на наличие крупных экспозиционных комплексов (что близко современному понятию «экспозиция») по этнографии русских, украинцев, белорусов, народов горного Западного Кавказа, западных финнов, оседлого населения Средней Азии, восстанавливавших сцены быта (полный комплекс одежды, обстановка жилища, мастерская, святилище).

В духе имманентных требований к экспозиционной работе центрального этнографического музея была выдержана записка Б.Г. Крыжановского «Принципы экспозиции этнографического музея», датируемая 1926 г. И хотя автор записки назвал ее своим личным мнением, она представляет интерес собственно как отражение существовавших в этнографической музеологии настроений. Так, полагалось, что:

- центральный музей в отличие от «областного» должен показывать картину быта всей территории (в данном случае – России);
- из однородных предметов, бытующих у населения, на экспонирование должны были пойти наиболее распространенные;
- предметы, выдающиеся совершенством формы или красотой отделки, входят в экспозицию не как характерные для данного бытового изделия, а в серии предметов народного искусства (можно полагать, что в данном случае действовали установки, принадлежащие всему комплексу Русского музея);
- предметы городского происхождения или машинного искусства должны быть представлены только в тех случаях, когда они входят в состав комплекса бытовых явлений;

– на выставку должны идти оригинальные и действительно бытовавшие экземпляры, а не сделанные специально для музея; исключения следует сделать только для жилищ, но их модели могут быть выставлены только по точным обмерам определенного сооружения;

– фотографии дают возможность не только показать предметы, не имеющиеся в музее, но и, что особенно важно, «жизненную обстановку,.. можно показать элементы жизни,.. антропологические типы тех народов, чей быт выставлен в музее»;

– то, что предметы одного назначения окажутся в двух местах – как продукт производства и как бытовое явление, не должно смущать, т. к. повторение будет способствовать ясности картины быта;

– при экспонировании следует отдавать приоритет естественным комплексам над реконструированными;

– следует иметь для каждого вида материала свою выставочную единицу.

Нет сомнения, что эти высказывания имели общепризнанный характер⁷³.

Следующие положения, имевшиеся в записке Б.Г. Крыжановского, не универсальны, а скорее соответствуют эпохе, когда они были высказаны:

– основной единицей в экспозициях этнографического музея является народность;

– народности, принадлежащие к одной этнической группе, экспонируются в непосредственном соседстве одна с другой, сохраняя последовательность их географического расселения;

– для каждой народности должно быть отведено место, соответствующее ее величине и значению в общей картине; коллекции по каждой народности выставляются отдельно, но возможна совместная для группы народностей экспозиция тех элементов быта, которые у них имеют общий характер;

– возможно в пределах группы экспонировать полностью быт одной из народностей, а для остальных ограничиться экспозицией тех элементов, которые существенным образом отличаются;

– элементы одной культуры можем «объединить в группы, составляющие ту или иную область быта... средств добывания пищи,.. одежду,.. жилище и т.п., место, отводимое каждой группе, должно соответствовать значению, которое... группа занимает в жизни, на первое место должны выдвигаться самые существенные из них» (например, было подчеркнуто высокое развитие гончарства у украинцев);

– выставлять надо общенациональные явления (наиболее распространенный костюм с его глав-

ными видоизменениями), а другие (костюмы, имеющие областной характер) – менее подробно;

– можно показать эволюционные ряды развития отдельных элементов культуры;

– все манекены должны быть в статичных позах, а не в движении,.. чтобы не обращать на себя особого внимания;

– целесообразно иметь на выставке старинные предметы, [т. к. благодаря им] восстанавливаются старинные связи... (для нашего современника это высказывание означает следование принципам палеоэтнографического подхода);

– желательно показать связь быта крестьянства с помещичьими и городскими классами;

– желательно вводить в экспозицию предметы, указывающие на соседские связи⁷⁴.

Можно сделать вывод, что музей следовал общенаучной установке времени: предметом изучения и комплектования признавались крестьянская культура и культура народов, находящихся на ранних стадиях общественного развития; благодаря моделированию связей внутри культуры этноса выстраивалась модель этнической культуры как предмета экспонирования, но многие связи внутри этого блока отсекались при построении предмета экспонирования; основная проблема научно-исследовательской работы состояла в обеспечении типического в двух аспектах: вещеведческом и культурологическом с несколько расширенным пониманием последнего.

Напрашивается и еще один вывод: этнографический музей в ранний период своей истории как научный институт фактически не нуждался во внешних методологических разработках, действуя как самостоятельная отрасль народоведения.

Данные воззрения весьма близки к установкам американской исторической школы (школы Ф. Боаса)⁷⁵ и концепциям А.-Л. Кребера⁷⁶.

Одной из причин, позволявшей ЭО РМ действительно существовать в системе этнографических знаний 1900 – конца 1920-х гг., было то, что в то время одной из главных форм единства базовой (теоретической) и отраслевой (музейной) науки была личная связь сотрудников-основоположников этнографического музея с другими отраслями этнографической науки, что, в свою очередь, было свойством личности каждого хранителя ЭО РМ.

10 января 1902 г. началась деятельность ЭО РМ императора Александра III в штатном режиме с зачисления на работу первых четырех руководителей направлений (хранителей) музея, бывших выходцами из других научных учреждений. Д.А. Клеменц, заведующий ЭО РМ

и хранитель-этнограф отдела Сибири и Дальнего Востока (1902–1910), в 1890–1894 гг. был правителем Восточно-Сибирского отделения ИРГО, в 1897–1902 гг. работал в Музее антропологии и этнографии Академии наук (тесно сотрудничал с музеем с 1894, в 1900–1902 гг. занимал должность старшего этнографа академического музея)⁷⁷. К.А. Иностранцев (в ЭО РМ в 1902–1908 гг.), востоковед и специалист по сасанидскому Ирану, пришел с Восточного факультета Петербургского университета и позже вернулся в него⁷⁸. Е.А. Ляцкий (1902–1907) пришел в музей с должности библиотекаря Публичной библиотеки, позднее занимался литературоведением, в 1901–1906 гг. активно сотрудничал с журналом «Вестник Европы», став затем заведующим его литературным отделом и ведущим критиком, одновременно с работой в музее вел исследования творчества И.А. Гончарова и Н.Г. Чернышевского⁷⁹. Н.М. Могилянский (в 1902–1909 гг. – хранитель по направлению Средней и Восточной России, Украине и Бессарабии; в 1910–1918 гг. – заведующий ЭО РМ) пришел из Музея антропологии и этнографии, преподавал в нескольких петербургских вузах, принимал участие в подготовке изданий журналов «Живая старина» и «Старые годы»⁸⁰.

Так же можно охарактеризовать научный статус следующей группы, пришедшей в музей в конце 1900-х гг. Так, Н.К. Волков (Вовк), куратор региона Юго-Западной России и зарубежных славян (в ЭО РМ в 1907–1918 гг.), зачинатель издания «Материалов по этнографии России» одновременно с поступлением в музей в 1907 г. начал работать приват-доцентом по кафедре географии и антропологии С.-Петербургского университета, он вел курсы анатомической антропологии, этнографии и доисторической антропологии, включенные по настоянию председателя антрополого-этнографической комиссии А.А. Иностранцева в 1906 г.⁸¹. Также он читал лекции на Высших Бестужевских курсах. С 1911 г. был председателем Русского антропологического общества и возглавлял редакцию «Ежегодника Русского антропологического общества»⁸².

А.А. Миллер известен как куратор востоковедческих исследований (в ЭО РМ с 1908 по 1932 гг., в 1918–1921 гг. – заведующий ЭО и директор Русского музея). С 1908 г. он также начинал работать ассистентом, а с 1910 г. – доцентом при кафедре археологии Петербургского, а затем Петроградского университета. В 1908 г. А.А. Миллер был назначен членом Императорской археологической комиссии. В 1908–1910 гг. избран действительным членом

Географического, Археологического и Доисторического обществ Франции. В 1923 г. избирается профессором и заведующим кафедрой археологии Петроградского факультета общественных профессий (позднее снова университета), становится действительным членом Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК); с 1922 г. возглавлял Северо-Кавказскую экспедицию ГАИМК⁸³.

К.К. Романов (в ЭО РМ в 1911–1921 гг.), куратор исследований в северной России (русские и западно-финские этносы), с 1912 г. занимал должности управляющего делами Комитета попечительства по русской иконописи, профессора кафедры истории искусства, директора Училища технического рисования (1917–1918), был членом различных императорских обществ; председателем Всероссийской коллегии по делам музеев и охраны памятников; вел преподавательскую работу в Академии художеств, в Институте истории искусств, в Психоневрологическом институте, в Археологическом институте, где был профессором и деканом, позднее был проректором Ленинградского государственного университета⁸⁴.

О квалификации сотрудников ЭО РМ и их включенности в другие виды научной деятельности можно судить по материалам внутренней дискуссии конца 1910-х гг., когда при обсуждении качеств помощников хранителя, т. е. лиц «второго эшелона», было утверждено пожелание набирать их из числа имеющих самостоятельные научные исследования и серьезные научные публикации.

Такой кадровый подход был характерен для начала советского периода, как можно судить по научной судьбе С.И. Руденко и Д.А. Золотарева.

С.И. Руденко (с 1921 по 1928 г. хранитель отдела этнографии Сибири и Дальнего Востока, заведующий ЭО РМ) с 1910 г. преподавал на кафедре географии и антропологии физико-математического факультета Петербургского университета, в 1913–1914 гг. был избран членом Парижского антропологического общества. В 1919–1921 гг. С.И. Руденко сначала избрали доцентом Новороссийского университета, а затем профессором кафедры географии Томского университета, в котором он работал деканом физико-математического факультета. В 1920-е гг. он как старший научный сотрудник ГАИМК работал в Особом комитете Академии наук по исследованию союзных и автономных республик. С 1944 г. С.И. Руденко возобновил преподавание в Ленинградском университете. В 1953 г. он организовал при Ленинградском

отделении Института археологии АН СССР лабораторию археологических технологий⁸⁵.

Д.А. Золотарев (в 1921–1931 гг. заведующий отделением славяно-финской этнографии ЭО РМ) с 1916 г. – магистр кафедры географии и антропологии, с 1918 г. – профессор, с 1921 г. преподавал на Петроградском факультете общественных профессий (позднее снова университета), Географическом институте (с 1925 г. – Географический факультет ЛГУ), Педагогическом институте им. А.И. Герцена. В 1920-х гг. он был также заведующим разрядами этнической антропологии и этнографии Российской академии истории материальной культуры, председателем антрополого-этнографической секции Ленинградского общества изучения местного края, главой Европейского отдела Комиссии по изучению племенного состава народов СССР и сопредельных стран при АН СССР. В 1928–1930 гг. – секретарь отделения этнографии Всероссийского географического общества. Член редколлегии журналов «Краеведение», «Известия РГО», «Этнография», «Человек»⁸⁶.

Упомянутые профессионально-лические связи хранителей ЭО РМ позволяют отметить большую роль университетской науки в жизни общества. Первые пятнадцать лет XX в. были периодом бурного роста различного рода учебных институтов, сочетавших образовательную (весьма интенсивную в сравнении с числом преподающих) деятельность с исследовательской. Система российского высшего образования по абсолютным показателям была сопоставима с системами других ведущих европейских стран. Накануне Первой мировой войны Россия по-прежнему уступала Германии в отношении университетского образования, но заметно превосходила в области специального образования. Уже между 1904 и 1914 гг. Россия (вместе с США) стала мировым лидером в области технического образования, обойдя Германию⁸⁷. В Петербурге этнографические знания можно было получить на трех факультетах университета, на разных высших женских курсах, в Археологическом и Географическом институтах, Институте искусств и т. д., что в целом свидетельствует о их популярности.

Некое единство тяги к этнографическим знаниям в свете бурного развития вузовского образования было свойственно и для первого десятилетия советской власти.

Если в дореволюционный период политика властей в отношении деятелей науки и искусства строилась на уважении и невмешательстве в их дела, что, в немалой степени, было следствием воспитания в Российской империи

культу образованного человека и художника, то в первые годы советской власти, взявшей на вооружение на короткий срок практику использования буржуазных специалистов, была выдвинута затрагивающая и музеи концепция «соединения политической власти и компетентной силы». Ничем иным, как личным участием крупных ученых, действовавших в пределах неопределенного свода правил и с неясными перспективами завтрашнего дня, такой союз не обеспечивался.

Для 1920-х гг. было свойственно не только участие ученых в работе разных учреждений, но и пересечение области деятельности самих учреждений, более активное, чем в последующие годы. Особой формой координации этнографических исследований были комплексные экспедиционные исследования, в которых для музея добывались этнографические и палеоэтнографические материалы, что не рассматривалось как первостепенная цель экспедиции на фоне многих других целей, направленных на добычу новых знаний. Наиболее масштабными экспедициями, руководимыми сотрудниками ЭО РМ, были Верхне-Волжская (1921–1925), Северо-Западная (1926–1927) под руководством Д.А. Золотарева, Алтайская (1924–1927) во главе с С.И. Руденко, Северо-Кавказская (1923–1931), созданная А.А. Миллером, Крымская (1923–1927) под руководством Г.А. Бонч-Осмоловского, Минусинская (1923–1926) экспедиция С.А. Теплоухова и другие⁸⁸.

Имеющиеся сведения позволяют видеть ЭО РМ в конце 1920-х гг. как учреждение своеобразной координации: взаимодействовали часть Русского музея и «органическая часть единого музея Народов СССР, как сектор национальной политики и национальных культур»⁸⁹. Выше уже говорилось о координации работы РМ и ГАИМК.

Очевидно, можно полагать, что в первой половине 1920-х гг. значение ЭО РМ как части комплекса национального музея или его подбоя относительно возросло благодаря развитию самого учреждения и относительно благожелательному отношению властей к данному факту.

Это отношение резко меняется к концу 1920-х гг. с переходом к силовой политике форсированной модернизации экономики и культуры. В складывавшейся политической системе не было места ни сложным комплексным музеям, в т. ч. национальным, ни тем более позитивистским научным дисциплинам и музейным экспозициям. В целом заканчивался краткий период нейтралитета государства по отношению к самостоятельной деятельности граждан и, естественно, к формам культурной

пропаганды, проводимой помимо государства. В этом свете было ликвидировано основное наследие «царского режима» в музейном деле: комплексы национальных музеев в Москве (Румянцевского) и Ленинграде (Русского музея)⁹⁰.

Поскольку в такой стране как Россия идея национального музея не может исчезнуть, она на весь советский период нашла себе место в музеях узко-исторического вида – центральных музеях Революции в Москве и Ленинграде. Московский музей существовал с 1922 по 1988 г., после чего был преобразован в Центральный музей современной истории России. Ленинградский функционировал в 1919–1991 гг., затем стал называться Музеем совре-

менной политической истории. Оба музея находились в столицах, оба располагались в зданиях – архитектурных памятниках. Если полагать, что их современное состояние есть обретение собственной специальной предметной зоны науки, и знать, что Государственный Исторический музей в Москве достиг специализации как музей древней и средневековой истории страны, то ниша национального музея России оказалась свободной с начала 1990-х гг. Есть ли на самом деле эта ниша? Востребовано ли сейчас наследие императорского национального музея? Можно ли полагать, что современному Российскому этнографическому музею следует действовать, исполняя функции национального музея России?

¹ Станюкович Т.В. Этнографическая наука и музеи. – Л.: Наука, 1978. – С. 136.

² Шангина И.И. Русский фонд этнографических музеев Москвы и Санкт-Петербурга: история и проблемы комплектования. 1867–1930. – СПб., 1994. – С. 22–27.

³ Станюкович Т.В. Кунсткамера Петербургской Академии наук. – М.; Л., 1954. – С. 49; Его же. Этнографическая наука и музеи. – Л., 1978; Решетов А.М. Музей антропологии и этнографии РАН в последней четверти XIX – первой четверти XX века: Проблемы создания и организации // Кунсткамера вчера, сегодня, завтра. – Т. I. – СПб., 1996.

⁴ Разгон А.М. Исторические музеи в России (с начала XVIII в. до 1861 г.) // Очерки истории музейного дела в СССР. – М., 1963. – С. 237.

⁵ Дубов И.В. Музееведение. Исторические и краеведческие музеи. Курс лекций. – СПб., 2004. – С. 16, 17.

⁶ Тихонов И.Л. Археология в Санкт-Петербургском университете: историографические очерки. – СПб.: Издательство СПбГУ, 2003. – С. 131.

⁷ Овсянникова С.А. Художественные музеи Петербурга и Москвы II пол. XIX – нач. XX века // Труды научно-исследовательского института музееведения. – М., 1962. – С. 8–10.

⁸ Там же. С. 54.

⁹ Записка вице-президента Императорской Академии художеств графа И.И. Толстого, послужившая поводом для учреждения Русского музея императора Александра III; Пчелянская Т.Н. Памятный отдел Императора Александра III в Русском музее // Тезисы конф., посв. итогам НИИ работы за 1995 г. – СПб.: ГРМ, 1996. – С. 36–38.

¹⁰ Крюкова Т.Н., Студенецкая Е.Н. Государственный музей этнографии народов СССР за пятьдесят лет советской власти // Очерки истории музейного дела в СССР. – М., 1967. – Вып. VII. – С. 9.

¹¹ Барышева Е.А. Румянцевский кружок и становление этнографической науки в России // Этнографическое обозрение. – 1994. – № 3. – С. 90, 91.

¹² Аделунг Ф.П. Предложение об учреждении Русского национального музея // Сын Отечества. – 1817. – № 17. – С. 54–72; Вихман Б.Г. Российский отечественный музей // Сын Отечества. – 1821. – № 37. – С. 289–310.

¹³ РГИА. Ф. 472. Оп. 16 (66). Д. 166; Петрова Е.Н. Павел Свинынь и его «Русский музей» // Страницы истории отечественного искусства. XVIII – первая половина XIX века. – СПб.: ГРМ, 1999. – С. 183–197.

¹⁴ Цит по: Дмитриев С.В. Фонд Этнографического отдела Русского музея по этнографии народов зарубежного Востока (в печати). С. 33–37.

¹⁵ См. сб.: Материалы для истории Румянцевского музея. – Вып. I. – М., 1882; Станюкович Т.В. Указ. соч. С. 74, 75.

¹⁶ Юренева Т.Ю. Музей в мировой культуре. – М., Русское слово, 2003. – С. 251, 252, 262, 295.

¹⁷ Смысл и значение музея имени его императорского величества наследника-цесаревича. – М., 1873; Разгон А.М. Российский исторический музей. История его основания и деятельности (1872–1917). // Очерки истории музейного дела в России. – Вып. II. – М., 1960. – С. 224–299.

¹⁸ Проект музея в ознаменование трехсотлетия Дома Романовых. – М., 1914.

¹⁹ Всероссийская этнографическая выставка и славянский съезд в мае 1867 г. – М., 1867; Славяне Европы и народы России. К 140-летию первой этнографической выставки 1867 года. – СПб.: Славия, 2008.

²⁰ Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 177. Л. 1.

²¹ Шангина И.И. Указ. соч. С. 11–20; 28, 29.

²² Проект музея в ознаменование трехсотлетия...

²³ Цит по: Дмитриев С.В. Указ. соч. С. 43.

²⁴ Надеждин Н.И. Об этнографическом изучении народности русской // Записки Русского географического общества. – Кн. 2. – СПб., 1847; Его же. Об этнографическом изучении народности русской // Этнографическое обозрение. – 1994. – № 1. – С. 110–117.

²⁵ Lazarus, M., Über den Begriff und die Möglichkeit einer Völkerpsychologie // Deutsches Museum, 1851, Bd. I (2), S. 112–126; Lazarus, M. u. Steinthal, H., Einleitende Gedanken über Völkerpsychologie als Einladung zu einer Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft // Zeitschrift für Völkerpsychologie, 1860, Bd. I, S. 1–73; Штейнталь Г., Лапарус М. Мысли о народной психологии // Филологические записки. – Воронеж, 1864. – Вып. I, II и V.

²⁶ Wundt W. Völkerpsychologie. Bd. 1–10. Leipzig, 1900–1920; Вундт В. Введение в психологию. – М., 1912; Его же. Проблемы психологии народов. – М.: Академический проект, 2010.

- ²⁷ Ougaroff S. *Projet d'une Académie Asiatique*. St.-P., 1810; Уваров С. Мысли о заведении в России Академии Азиатской // *Вестник Европы*. – 1811. – Ч. 60. – № 21; об этом проекте см. также: Акульшина П.В. Проект создания Азиатской академии С.С. Уварова и его место в общественном движении России 1810–1869 годов // *Проблемы новой и новейшей истории Востока: Материалы межвузовской научной конференции*. – М.; Рязань, 1993. – С. 87–100.
- ²⁸ Куликова А.М. Становление университетского востоковедения. – М.: Наука, 1982. – С. 64.
- ²⁹ Страницы отечественного кавказоведения / Отв. ред. Волкова Н.Г. – М.: Наука, 1992. – С. 19.
- ³⁰ Цит. по: Дмитриев С.В. Указ. соч. – С. 19; [Григорьев В.И.] О состоянии художеств в России // *Северные цветы на 1826 год, собранные бар. Дельвигом*. – СПб., 1826; *Северные цветы на 1826 год. Новое издание*. – М., 1881.
- ³¹ Цит по: Дмитриев С.В. Указ. соч. С. 34.
- ³² Dmitriev V.A. *The Russian Identity in Art and Culture // Maria Feodorovna, Empress of Russia*. Copenhagen, 1997, pp. 60, 61.
- ³³ Прахов А.В. Александр III как деятель русского художественного просвещения // *Художественные сокровища России*. – 1903. – № 4–8.
- ³⁴ Потюкова А.В. Памятный отдел Русского музея императора Александра III: неосуществленные проекты // *Император Александр III и императрица Мария Федоровна. Мат-лы междунар. конф.* – СПб.: ГРМ, 2006. – С. 95–106.
- ³⁵ Там же. С. 101, 102.
- ³⁶ Закс А.Б. Историко-бытовой отдел Русского музея. 1918–1941 гг. // *Труды Научно-исследовательского института музееведения*. – 1962. – Вып. VII. – С. 240–285.
- ³⁷ Приселков М.Д. Историко-бытовые музеи: Задачи, построение, экспозиция. – Л., 1926. – С. 3.
- ³⁸ Станюкович Т.В. Указ. соч. С. 143.
- ³⁹ Ильинская С.Г. Толерантность, как принцип политического действия: история, теория, практика. – М.: Праксис, 2007. – С. 188–196.
- ⁴⁰ Тенишев В.Н. Программа этнографических сведений о крестьянах Центральной России. – Смоленск, 1896; Федоров В.А. Материалы В.Н. Тенишева как источник по истории культуры и быта русского крестьянства (конец XIX – начало XX в.) // *Историкографические и источниковедческие проблемы отечественной истории: Актуальные проблемы историковедения и специальных исторических дисциплин*. – Днепропетровск, 1985. – С. 54–59.
- ⁴¹ Токарев С.А. История русской этнографии. Дооктябрьский период. Изд. 2-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – С. 291.
- ⁴² Там же. С. 292–300.
- ⁴³ Там же. С. 400–403; 431–434.
- ⁴⁴ Пыпин А.Н. История русской этнографии. – Т. 1–4. – СПб., 1890–1892; Токарев С.А. Указ. соч. С. 361, 362.
- ⁴⁵ Невский В.В. Кафедра геологии и этнографии в Петербургском университете // *Ученые записки ЛГУ. Серия: Географические науки*. – Вып. 25. – Л.; 1977. – С. 13–23.
- ⁴⁶ Пятидесятилетие Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. 1863–1913 / Сост. Богданов В.В. – М., 1913.
- ⁴⁷ Решетов А.М. Василий Васильевич Радлов. Приложение: Записка в Академическую комиссию для рассмотрения вопроса об образовании Государственного музея антропологии, этнографии и археологии академиком В.В. Радловым // *Курьер Петровской Кунсткамеры*. – Вып. 1. – СПб., 1995. – С. 83.
- ⁴⁸ Цит. по: Дмитриев С.В. Указ. соч. С. 46.
- ⁴⁹ Радлов В.В. О задачах и распределении Русского этнографического музея // *Протокол второго (состоявшего 13 февраля 1901 года) Предварительного совещания по вопросам об устройстве и организации Этнографического отдела Русского музея императора Александра III*. – [СПб., 1901, на правах рукописи]. – Приложение 1. – С. III.
- ⁵⁰ Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 14: Стенографический отчет заседания Совета Этнографического отдела Русского музея 25-го апреля 1918 года.
- ⁵¹ Михайлов Д. Русская этнография в музее императора Александра III (Доброй памяти университетского учителя антропологии и географии Э.Ю. Петри) // *Московские ведомости*. – 1900. – № 66. 7 (20) марта. – С. 3; № 67; 8 (21) марта. – С. 4.
- ⁵² Архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 7 об. – 8 об.
- ⁵³ ОР РНБ. Фонд И.И. Толстого. Ед. хр. 960. Л. 5–14 об.: Отдельное мнение старшего этнографа Императорской Академии наук Д. Клеменца, члена подкомиссии для выработки проекта разделения Этнографического отдела Русского музея императора Александра III.
- ⁵⁴ Протокол первого (состоявшегося 30 января 1901 года) Предварительного совещания по вопросам об устройстве и организации Этнографического отдела Русского музея императора Александра III. – [СПб., 1901, на правах рукописи]. – С. 2.
- ⁵⁵ Архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 62: Стенографический отчет о происшедшем 17-го апреля 1901 г. в Русском музее императора Александра III, под председательством августейшего управляющего музеем, его императорского высочества великого князя Георгия Михайловича, третьем заседании совещания по вопросам об устройстве и организации будущего Этнографического отдела музея.
- ⁵⁶ Протокол второго (состоявшегося 13 февраля 1901 года) предварительного совещания по вопросам об устройстве и организации Этнографического отдела Русского музея императора Александра III. – [1901, на правах рукописи]. – С. 13, 15, 17, 18.
- ⁵⁷ Д.А. Клеменц высказался за следующую формулировку пункта б: «... сопредельных с Россиею стран, тех, на которые распространяется русское политическое, экономическое или нравственное влияние».
- ⁵⁸ Протокол первого (состоявшегося 30 января 1901 года) предварительного совещания по вопросам об устройстве и организации Этнографического отдела Русского музея императора Александра III. – [СПб., 1901, на правах рукописи]. – С. 3.
- ⁵⁹ Архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 7 об. – 8 об.
- ⁶⁰ Анучин Д.Н. О задачах русской этнографии // *Этнографическое обозрение*. – 1889. – Кн. 1. – № 1. – С. 1–35; Токарев С.А. Указ. соч. С. 359–361.
- ⁶¹ Цит по: Дмитриев С.В. Указ. соч. С. 75.
- ⁶² Протокол второго (состоявшего 13 февраля 1901 года) предварительного совещания... С. 2–18.
- ⁶³ Цит по: Дмитриев С.В. Указ. соч. С. 86–88.
- ⁶⁴ Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 32 а. Л. 13.
- ⁶⁵ Там же. Д. 53. Л. 1.
- ⁶⁶ Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 11. Л. 11–26.
- ⁶⁷ Токарев С.А. Указ. соч. С. 165.
- ⁶⁸ Там же. С. 365–406.
- ⁶⁹ Там же. С. 406–421.
- ⁷⁰ Могиланский Н.М. Этнографический отдел Русского музея императора Александра III // *Живая старина*. – 1912. – Вып. 2. – С. 495.
- ⁷¹ Шангина И.И. Этнографические музеи Ленинграда в первые годы советской власти (1918–1923) // *Советская этнография*. – 1987. – № 5. – С. 78, 79.
- ⁷² Российский этнографический музей. 1902–2002. – СПб.: Славия, 2001. – С. 33, 34.
- ⁷³ Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 7. Л. 1–3, 6, 8, 14.
- ⁷⁴ Там же. С. 4–18.
- ⁷⁵ Boas Fr. *Language and Culture*. New York, 1940; Боас Ф. Задачи антропологического исследования // *Советская этнография*. – 1933. – № 3–4. – С. 181–189; Аверкиева Ю.П. Франц Боас // *Краткие сообщения Института этнографии АН СССР*. – 1946. – № 1. – С. 101–111; Боас Ф. Методы этнологии / Пер. Ю.С. Терентьева // *Антология исследований культуры*. – СПб.: Университетская книга, 1997. – Т. 1. – С. 519–527.
- ⁷⁶ Kroeber A.L. *Anthropology: Culture Patterns & Processes* (1923, 1948; 1963). Harcourt: Brace & World // Чеснов Я.В. Теория «культурных областей» в американской этнографии // *Концепции зарубежной этнологии*. – М.: Наука, 1976. – С. 68–95.
- ⁷⁷ Решетов А.М. Д.А. Клеменц и Музей антропологии и этнографии Императорской Академии наук // *Пигмалион музейного дела России*. – СПб.: Лань, 1998. – С. 59–94; Шангина И.И. Д.А. Клеменц и Этнографический отдел Русского музея // *Пигмалион музейного дела*. – СПб.: Лань, 1998. – С. 95–117.
- ⁷⁸ Васильева Н.Е. К.А. Иностранцев как сотрудник Этнографического отдела Русского музея // *Из истории формирования этнографических коллекций в музеях России. XIX–XX вв.* – СПб., 1992. – С. 41–51; Лукьянец О.С., Калашникова Н.М. Н.М. Могиланский – основатель молдавских этнографических коллекций в собраниях Русского музея // *Известия АН МССР*. – 1989. – Вып. 1. – С. 69–75.
- ⁷⁹ Мологова Л.Н. Е.А. Ляцкий и его деятельность в Этнографическом отделе Русского музея // *Из истории формирования этнографических коллекций в музеях России. XIX–XX вв.* – СПб., 1992. – С. 14–25.
- ⁸⁰ Лукьянец О.С., Калашникова Н.М. Н.М. Могиланский... С. 69–75; Дубов И.В. Николай Могиланский // *Все музеи*. – 2001. – № 1.
- ⁸¹ Тихонов И.Л. Указ. соч. С. 117, 257–264.
- ⁸² Руденко С.И. Памяти Федора Кондратьевича Волкова (к пятидесятилетию со дня смерти) / Публ. и коммент. Н.И. Платоновой // *Археологические вести*. – СПб., 2003. – № 10. – С. 361–366; Платонова Н.И. Палеоэтнологическая школа в археологии и Ф.К. Волков // *Вестник Томского государственного университета*. – № 315 (октябрь). – С. 96–103.
- ⁸³ Миллер М.А. Александр Александрович Миллер. 1875–1935 // *Вестник института по изучению СССР*. – Мюнхен, 1958. – № 3(28). – С. 127–130.
- ⁸⁴ Длужневская Г.В. Материалы фотоархива ИИМК по Пушкинским Горам и заповеднику «Михайловское» (фонд архитектора К.К. Романова) // *Михайловская пушкиниана*. – Вып. 19. – М., 2001. – С. 211–215; Российский этнографический музей... – С. 78.
- ⁸⁵ Массон В.М. К 80-летию С.И. Руденко // *Советская археология*. – 1965. – № 4. – С. 237–241.
- ⁸⁶ Золотарев Давид Ал. // *Российский гуманитарный энциклопедический словарь: В 3-х т.* – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС; Филол. фак. С.-Петерб. гос. ун-та, 2002. – Т. 2: 3 – О. – С. 35, 36.
- ⁸⁷ Сапрыкин Д.Л. Образовательный потенциал Российской империи. – М.: ИИЕТ РАН, 2009.
- ⁸⁸ Шангина И.И. Русский фонд этнографических музеев... С. 80–96; Российский этнографический музей... С. 36, 37.
- ⁸⁹ Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 409. Л. 1: Отчетный доклад Н.Г. Таланова о работе этнографического отдела за январь–март 1932 г.
- ⁹⁰ Шангина И.И. Русский фонд этнографических музеев... С. 74–77.